

В. А. Зверев

«У ЖАДНОГО БРЮХО БОЛИТ».

ЭПИЗОДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

(первая треть XX в.)

Опубликовано: Зверев, В. А. «У жадного брюхо болит»: эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) / В. А. Зверев // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории : сб. науч. тр. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – С. 126–149.

Публикуются фрагменты уникального исторического источника — мемуарной рукописи крестьянина С. И. Курина, где повествуется о ряде реальных случаев криминального поведения в начале XX в. жителей деревни Сидоровка нынешнего Колыванского района Новосибирской области. Источник может быть использован при научном изучении правовой культуры и криминальной истории российской деревни.

Криминальная история – одно из сравнительно новых направлений исследовательской работы отечественных специалистов. Если говорить об истории России и, в частности, Сибири второй половины XIX – начала XX вв., то в последнее время появился ряд исследований эволюции правовых систем, развития правоохранительной сферы государственного управления и самоуправления, где нашли отражение важные аспекты криминальной и криминогенной обстановки в стране и регионе¹. Это направление, несомненно, будет развиваться и далее, но нам кажется перспективной также разработка проблем криминальной истории в контексте изучения образа жизни населения России и ее восточных окраин.

Мы понимаем образ жизни как способ или характер всей жизнедеятельности конкретной личности, социальной группы или всего общества, детерминированный их собственной субъективностью и объективными условиями их жизни. Очевидно, можно различать «нормальные» проявления этой жизнедеятельности, не противоречащие принятым в обществе нормам поведения (в частности, обычному и государственному праву), и девиантные формы поведения: аморальные, делинквентные, криминальные. Проявления криминальности можно найти в большинстве сфер образа жизни людей: в демографическом и социализирующем поведении, в хозяйственной, общественной и

¹ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 2. Гл. 8: Право и суд, преступления и наказания: к главенству закона; Шиловский Д. М. Полиция Томской губ. в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; и др.

познавательной активности. Описывать и объяснять криминальное поведение можно по следующему примерному плану: условия и факторы такого поведения, его субъекты (с их целями и смыслами девиантной жизнедеятельности) и объектная направленность, его общественная форма и технологическое содержание, наносимые им объективно вредные последствия, субъективное восприятие этих последствий и их оценка социальной средой, и т. д.

Очевидно, что любая работа историков по изучению криминального поведения в эпоху столетней давности требует немалых усилий по выявлению имеющихся источников. В силу специфики предмета изучения весьма важными в данном случае являются источники личного происхождения, исходящие от изучаемой социальной среды: мемуары, эпистолярное наследие, всякого рода заявления, жалобы, прошения. Они как раз и могут обеспечить понимание *субъективных (ментально-психологических и культурно-установочных)* факторов криминального поведения и таких же *субъективных* причин определенного восприятия средой этого поведения. Как яркий пример исторического источника такого рода, не известного до сих пор специалистам, мы публикуем в нашем издании отрывки из рукописи сибирского крестьянина С. И. Курина.

Рукопись имеет название «История Сидоровки» и хранится в Кольванском краеведческом музее (Новосибирская область). Она была любезно предоставлена нам для копирования и публикации директором музея **Н. П. Козловой**. Автором рукописи является **Сергей Иванович Курин**, 1921 года рождения, уроженец и нынешний житель д. Сидоровка Кольванского района. Текст написан в начале 1990-х гг. автором собственноручно шариковой ручкой в школьных тетрадках. Мы получили доступ к 11 тетрадкам, где на 374 страницах рассказано об истории деревни с момента ее основания в 1860–1870-х гг. до середины 1930-х гг., а также о судьбе родительской семьи автора с конца XIX в., со времени переезда из Тамбовской губернии в Сибирь.

Основная часть текста, который имеет мемуарный характер, поделена на отдельные рассказы, или «истории», содержание которых весьма разнообразно; оно отражено в авторских названиях этих рассказов. Основание Сидоровки, ее первоначальное заселение и обустройство выходцами из Чувашии и Мордовии, русскими из Тамбовской и иных губерний Европейской России, отцовская свадьба, элементы народной культуры и быта, эпизоды гражданской войны и крестьянского восстания 1920 г., сплошной коллективизации деревни... Среди прочих сюжетов немалое место, можно сказать – одно из главных мест занимает описание различных случаев противоправного поведения некоторых крестьян и реакции на такое поведение односельчан. Хронологические рамки рассказов с криминальными сюжетами – от рубежа XIX–XX вв. до 1935 г. Историческое

пространство криминальных рассказов в сочинении С. И. Курина концентрируется вокруг д. Сидоровка, уроженцами и жителями которой являются главные действующие лица; оно простирается от бурно растущего нового регионального центра – г. Новониколаевска и прежнего центра – г. Колывани до мелких таежных поселений в верховьях р. Бакса.

В настоящем издании мы помещаем, во-первых, тот фрагмент из «Истории Сидоровки», где автор объясняет истоки, происхождение своих рассказов, документальных в своей основе. Как выясняется, они являются переложениями подлинных историй, рассказанных автору в детстве его отцом, Иваном Николаевичем Куриным, и другими старожилами Сидоровки. Во-вторых, публикуются некоторые из отцовских рассказов «криминального цикла», относящиеся ко времени 1900–1925 гг. Заголовки – авторские, за исключением первого и последнего, которые даны публикатором. При подготовке к публикации поправлена грамматика текста, произведены сокращения, но сохранены все основные особенности авторского лексикона и стиля изложения. В конце нами сделаны некоторые пояснения, необходимые для правильного понимания текста.

С отцом на печке

Дорогие читатели, извините меня. Точных данных я не могу дать, но многое извлекаю из памяти детства, знаю по рассказам моего отца. Как и мне, ему немало было известно от старожилов. Он приехал из России в тысяча восемьсот девяностом году молодым парнем, с отцовским семейством... Когда мы были мальчишками, бабушка Авдотья, отцова мать, каждое утро нас тренировала памятью: откуда родом мой дед и отец. Вот почему осталась у меня в памяти история Сидоровки и семьи моих предков.

Кончится уборка во дворе со скотом, в ожидании ужина отец на печь забирается погреться, а я к нему под бок: «Тягь, расскажи про што нибудь или сказку какую». Он у нас был грамотный: сельскую приходскую школу окончил – четыре класса, да два года был помощником учителя, пока родители не поехали в Сибирь. До ужина он нам и рассказывал, как строилась Сидоровка; после ужина было не до нас: собирались мужики вечерить. Но это только зимой, а с наступлением весны до глубокой осени не до вечеров. Дома мало находились, если только в бане помыться, да в праздничные дни тоже отдыхали.

Не все занимались своим честным трудом, были и такие, что не гнушались и чужим добришком поживиться. Хлеб чужой обмолачивали. Коней воровали да сбывали в другие места, то есть передавали другим партнерам. Как сказывают, наши сидоровские кони с

пересылкой доходили до Камня-на-Оби. Аж там их находили хозяева. Это всё нам с Лёнкой (своим племянником) отец рассказывал в зимние вечера.

[Далее следуют отцовские рассказы, записанные от первого лица (при публикации они взяты в кавычки), или от третьего лица (эта история, последняя из публикуемых, не закавычена).]

Сидоровские разбойники

«Я сейчас расскажу историю одну про убийство. Дело было так. Я жил у Фирстова на Баксе²... Однажды вечером мы уже кончили работу и уже прибирали в заводе. Вдруг забегают мужчина с Корягиной – с соседнего поселка, и прямо ко мне подходит, поздоровался и говорит: «Иван Николаевич! Поедем к нам в Корягино, там ваши сидоровские у Артамона Яковлевича семью порезали. Одного мы знаем: бывший лесник наш Кижеватов, но он не живой. Убили его Помыткины, и второго покалечили, но живой, связанный. Поедем, ты, наверное, знаешь его».

Это было в начале зимы. Когда я вошел в дом, у меня аж волосы шапку подняли. Кругом все стены в крови, на полу целые лужи крови – это в прихожей. И хозяйка лежит вся израненная, полунагая, ночная рубашка на ней испорота ножом. На теле мы насчитали девятнадцать ран ножевых. Тоже в луже крови, и руками она, бедняга, пол перед смертью скребла. Ногти, да и сами пальцы изодранные, не поймешь – кожа в крови на руках или совсем кожа содранная. По-видимому, эти звери наступали ей, бедняге, на руки и ширяли в тело ножом: выпытывали, где деньги у хозяина хранятся.

Начну я сначала, как это все началось. Кижеватов служил там по тайге лесником. Знал почти всех, кто как живет. У кого водятся деньжонки, да и золотишко. Вот и прознал, что у Артамона есть запас, да еще и не маленький.

А в Сидоровке появился ссыльный царским правительством. Отбывал он ссылку на КВЖД. В Сидоровку он приехал к брату, который жил мирно, занимался хлебопашеством по-честному. Приехал ли на побывку, или освободился от наказания, по-настоящему никто не знает. Заявился на новое место, да еще и объявил себя состоятельным: может пол-Сидоровки закупить. Все завидовали такому богачу. Пилкутил Митька на зависть людям, друзья в таком деле быстро находятся. Но у Митьки свой план: как говорится, нащупать мягкое место, да друга надежного приобрести, с которым можно идти на дело.

Нашелся хороший друг, да еще тезка – Кижеватов. Узнал он у своего тезки, что есть

² Жил у Фирстова на Баксе. Иван Курин на рубеже XIX–XX вв. работал «в отходе» – мастером на маслодельном и сыроваренном заводике, принадлежавшем купцу С. Ф. Фирстову и располагавшемся в д. Орловка на реке Баксе, к северу

на Баксе поселок Корягино и мужик богатый. Есть чем поживиться, только не трусить. Согласился бывший лесник поделиться добычей из чужого кармана. Приехали они в Корягино еще рановато. Но заехали пронюхать, чем будет пахнуть чужой чулок, тяжелый от монет. Завели разговор о покупке кобылиц на племя: человек состоятельный приехал в Сидоровку и хочет развести хороших лошадей. Жеребца уже закупил, пока еще одного. Но этого мало, так как его желание – заняться коневодством, и нужно голов десятка полтора только кобылиц. Артамон Яковлевич славился породой своих лошадей. Тоже у него было занятие – выращивание и сбыт хороших лошадей, крепких и здоровых в работе для крестьянина, да и в извозе не подкачают. На этом и завели разговор, что нужно закупить хотя бы пару кобылиц. Если есть, то какая цена за голову будет.

«Есть у меня кобылицы-третьяки (то есть трехлетки)». Объявил цену за голову. Они сказали свою, но намного дешевле. Он не согласился за их предложенную цену. «Тогда нам здесь делать нечего, поедem вверх по Баксе в Лаптевку. Там есть, говорят, лошади продажные».

Уехали гости, вернее, покупатели. Артамон Яковлевич проводил их. Да еще посоветовал: «Если не купите там, приезжайте, я ведь недорого продаю». Уехали со двора, хозяин закрыл за ними ворота. Пришло время управляться со скотиной, да еще кое-что уладили, что было по плану сегодняшнего дня. Поужинали семьей. Семья была из шести человек: сам со старухой, да сын со своим потомством, да жена его – еще четверо. В потомстве тоже два сына: одному четыре года, а второй еще грудной в зыбке качался. После ужина еще посидели, сам старик еще к соседям сходил. Рассказал, как сидоровские приезжали кобыл покупать, да не купили – дорого, говорят.

Когда пришел домой, уже все спали. Ну, и он залез на печь. Только задремал – открывается дверь, заходят и говорят: «Хозяин, вставай, зажигай огонь. Мы опять приехали рядиться». Ну, старик вроде и обрадовался, что не миновали его кобыл. Двери никто на ночь в то время не закрывал на запор. Не от кого было закрываться-то, медведь или волк не войдет в дом. А от соседей и не закрывались. Да сосед без нужды и не пойдет: если свету нету в дому, значит, спят. Вот так эти два друга зашли и еще попросили зажечь лампу. В то время уже появились керосиновые лампы, да еще со стеклянными пузырями, чтобы больше света было.

Когда слез хозяин с печи, зажег спичку, прижег фитиль, один из приезжих говорит: «Что, крыть будем?» Хозяин подумал, что крыть-то – это покупать. И говорит: «Конечно, давайте, кройте». Он только наметил стекло на лампу ставить – и удар по голове пришелся чем-то тяжелым. Он вмиг бросил стекло, быстро обернулся. Схватил за плечи

того бойца, что нанес ему удар, и прижал к полу, так что у того и гиря фунтовая, привязанная на ремне, выпала из рук. Старик-то был здоровый – вдвое, пожалуй, мощнее того, который ударил его.

Но не пришлось управиться старику с обидчиком. Второй разбойник свалил старика, ударил по голове безменом³. То есть гирей от безмена – такое у него было оружие нападения. Старик и свалился к порогу головой, вытянулся в предсмертной потяжке и затих сразу. Вот тогда-то они и взялись за старуху – делать ей пытку, с вопросом: «Где у старика деньги?» Но она не знала, где он их хранил. Они и в сундуке все перерыли, а сами не переставали мучить старуху. Выпытывали деньги, пока бедняга от ран да от страха совсем не замолкла, отдав богу душу. А старика нечего мертвого спрашивать.

Сын с женой и детьми спали в другой комнате. Сноха как услышала возню да свекровкины стоны и рыдания, разбудила мужа: «Евсенька, просыпайся. Отца с матерью убивают». Он соскочил с постели, хотел было открыть двери да ринуться на выручку родителям, но жена его не пустила. А сказала, чтобы сундуком подпереть дверь, которая была закрыта на ночь, чтобы свет не мешал спать, пока старики не легли. Ящик-то они подтащили, да еще в кольца продели поясной ремень и завязали. Дверь-то открывалась внутрь горницы, для ихнего счастья. Временного.

Но разбойники не нашли в прихожей нигде стариков клад. Решили расправиться с сыном и снохой. Стали напирать на дверь в горницу. Хотя с большим трудом, но пересилили супругов. Ремень через щель образовавшуюся перерезали ножом – тем, что пытали старуху.

Пока они возились с дверью и стали бить Евсю с женой, старик, которого они оставили без внимания (сочли мертвецом), выполз в сени потихоньку. В сенях понял, что он теперь в безопасности, хотя и с разбитой головой, соскочил – да к соседям. Три брата жили подряд в отделе друг от друга – Помыткины, разбудил их. Поднялась тревога по соседям. Стали на ноги поднимать всех – на ноги, да на улицу. Четверо через огороды на мост побежали. А остальные двинулись ко двору Артамона, но не успели захватить их даже во дворе.

Разбойники увлеклись своим делом. Убили неповинного младенца в зыбке ударом – пяткой ножа по темечку, он сразу смолк. Как они ворвались в горницу, и закричала мать, он тоже закричал. Но они его не пожалели, не посчитали, что он им никакого вреда не сделает. А старшой сын остался было невредим по счастливой случайности. Когда родители соскочили с постели, то закрыли его, или, сказать, завалили одеялами да тулупом овчинным. Вот он и ничего не слышал под покровом одежи и мирно проспал до

³ *Безмен* – ручные весы с неравным рычагом и подвижной опорной точкой.

самого утра. Сноху они тоже прикололи, так как она начала кричать.

Евсю только успели поранить нароком – пытали отцовский клад. Но его бы не оставили в живых, да услышали шум в поселке, то есть по соседству. Бросили Евсю раненого, да ходу из дому. На коня, да в ворота галопом – так поддали плетью, что лежала на изготовке у них в кошеве. Не успела собравшаяся ватага захватить их во дворе, и в улице не смогла сдержать.

Задержали их только те, которые выбежали на мост и ждали их со стягами⁴. Один ударил коню стягом по ушам. Конь споткнулся и пал на колени, а в это время Артамон Яковлевич ударил по сидящим в кошеве, сразу вышиб одного из кошевы, и тот упал под мост на лед. Раньше были мосты низкие, то есть над самой водой. Вот здесь-то ему временно посчастливилось. В азарте мщения над одним забыли про второго. Когда кончили того, что остался в кошеве (посчитали мертвым), вспомнили про второго – а его нет на месте. Посчитали, что он убежал – не доследили в азарте. Решили догнать беглеца.

Садятся в кошеву, да по дороге, куда он должен бежать. Проехали сгоряча с полкилометра, да опомнились, что зря лошадь гонят: следа-то нету по проселку. Свежий снег перед вечером выпал, и следов никаких нет, чистый снег лежит на дороге. Да, вернулись, обратно поехали. Заметил кто-то из сидящих в кошеве, что под таловым кустом на берегу, против моста, что-то чернеет. Бросили коня, да туда.

Один нес с собой взамен оружия пешню, которой коня по ушам ударил. Взял ее, приложил к плечу и скомандовал: «Бросай оружие, какое есть, а то сейчас пристрелю, и вылазь оттудова». Тот и вправду подумал, что у него ружье, и выбросил наган от себя подальше на лед. «Бросай всё – и нож». Бросил и нож, и сам вышел им навстречу с поднятыми руками. Тот, который держал его на прицеле, взял пешню обеими руками и, подойдя вплотную, без малого с размаха ударил его по голове пешней – что проруби во льду прорубают. Сшиб его с ног, а у лежачего переломил ударами пешни обе руки. Да и ноги не пощадили остальные. Это пока только еще Артамон Яковлевич знал про издевательство и смерть старушки своей.

Погрузили и того, чуть дышавшего, и этого – толкнули в кошеву и привезли на место преступления. Посмотрел, что они натворили у него дома, Артамон Яковлевич – совсем dokonчил Кижеватова прямо в кошеве, а Загребаеву и ноги переломал. До самого утра старик колотил их со злости кулаками, с небольшими интервалами.

Когда рассветало утром, проснулся и спрятанный под одежей мальчишка, покликнул мамку, но она не откликнулась. Он вылез из-под одежи и слез с кровати. Что у него было

⁴ *Подгорские* (мужики, поля) – жители д. Подгорской (рядом с тогдашним городом Колыванью) и принадлежавшие им земельные угодья.

на уме или, сказать, в воображении, никто не знает. Только видели, что он около матери стоял и, плача, просил ее, чтобы она вставала. Сбежавшиеся соседи все за ним наблюдали и ничем не могли ему помочь, чтобы встала его родненькая и приголубила. Не выдержало детское сердчишко, увидев все в крови обрызганное, и мать лежит в луже кровяной. Рядом с мамкой лежит отец, весь испачканный кровью, и тоже призывает своего отца: «Тятя, тятя».

С полчаса постоял над матерью мальчишка и даже не нагнулся к ней. Стоял, как свечка, только бегали глаза по комнате. Как подкошенная трава, упал возле родненькой мамы, и перестало сердечко младенческое биться. Подбежали, кто был там рядом, но уже поздно. Он был неживой, и из носу кровь выступила. Остались Артамон Яковлевич да Евсей Артамонович в живых из шестерых членов своей семьи. Да и то пришлось им долго лечить пробитые головы.

Вот такую картину пришлось мне видеть на Баксе. Это меня пригласили как понятого по обследованию разбоя. Когда я зашел и спросил: «Кто такой?» – один из разбойников был жив, но с переломанными руками и ногами и выбитыми зубами. Он мне прошамкал: «Загребаев». Я спросил: «А кем доводится вам Василий?» Он прошамкал: «Брат родной». А Кижеватов был мертв и изуродован так же, как и Загребаев. Вот такая-то история была с нашими сидоровскими».

Потник-самосброс

«Жила одна семья. Жила эта семья богато: сами были сыты и других кормили. Начинал разводить хозяйство Сергей, приехавший с Россеи, как в то время называли переселенцев, с Тамбовской губернии. Мужик оказался работающим и аккуратным, хозяйственным. Всё-то у него было по порядку, нигде ничего зря не валялось. Особенно, как рассказывали старики, сыновья были заботливые. Сколько-то они прожили в Сидоровке – стали богатыми хозяевами. Завели братья — два Ивана – хорошие дома под руководством своего отца. Когда он поженил большака, оставил ему свой первый дом. Младшему построил второй дом, под железной крышей. Дом построил, да и завод маслодельный для выработки растительного масла. Этот завод действовал до тысяча девятьсот тридцать первого года, пока не посадили младшего Ивана по линии НКВД. То время было такое, не один Иван Хромой угодил па Колыму.

А Хромым он стал по оплошности в лесу. Когда готовили лес на новый дом, не успел отскочить от того дерева, которое они с братом спиливали, оно соскочило с пня ему на ногу и раздавило ступню. Залечили, но хромым остался до конца своей жизни. Так их и называли: Иван Хромой да Иван Большой, или Пузан (ввиду того, что у него

молодого еще живот сильно выделялся). В Сидоровке по фамилии мало кого называли, а большинство по уличному прозвищу или, как сказать, по нареченному названию. Как вот Шишигиных братьев – Пузан да Хромой. А то были Гриша Долгий или Феня Долгая – из-за своего высокого роста. Или вот Сергей Черный, Сергей Рыжий, Кузя Криводанский, Мотюха Культяпый, Мотюха Чикач. И всех членов семьи называли по их прозвищу. Культяпым звали потому, что по пьянке отморозил пальцы на ногах. Чикач – он как-то тоже в пьяном угаре вышел плясать под гармонь, а припевок не знал. И вот во время пляски, особенно когда вприсядку, отбивал кадрили с прибавкой: «Чика, чика-чи, чика-чи». Вот и пошло название по родне – Чикачевы. Так вот и Шишигиным братьям были даны прозвища. Но жили они хорошо, богато. У них в дальнейшем имелись сельхозмашины: сенокосилка, конные грабли, жнейка, молотилка конная, крупорушка. И как я уже сказал, маслозавод. У них всегда были должники, да и рабочих имели для обработки полей и ухода за скотом. Да на заводе посезонно работали четыре человека основных рабочих.

Шишигинские мужики были заботливые и жадноватые. Свое подберут – в дело идет, но и где плохо лежит чужое, то у них животы болели. Мучились даже за чужое добро. Но были случаи, что выздоравливали.

Однажды Иван Хромой в паровспашку ходил по полям – искал косачиный ток, где весной тетерева собираются на брачные веселья. Поле Шишигиных, да не только у них, а у многих сидоровских граничило с подгорскими⁵ полями. При поиске тока Хромой набрел на подгорский мужицкий табор. Артельно мужики ночевали в поле для веселья, да и не так скучно или не так боязно в артели. Устроили они себе временный балаган. Это делалось очень просто для укрытия от дождя, да и в ночное время от комаров. Когда Иван к ним подошел, они и это время все были в сборе: к обеду готовились, расположились около балагана. Их было шесть мужиков.

Подошел, поздоровались, всё как положено. Сперва Хромой спросил мужиков: «Из какой деревни?» В свою очередь они у него спросили – откуда, да куда путь держит. Сказал им, что он сидоровский: «Хожу, ищу ток косачиный, чтобы силки поставить на счастье. Может и поймается кто для супчика полевого». Они тоже ему объяснили: «Мы подгорские. Живем по соседству у себя в деревне, да вот решили и в поле вместе ночи проводить в отлучке от дому». Пригласили пообедать с ними, но он отказался. А покурить присесть попросил разрешения около лаза в балаган. Разрешили: «Жалко, что ль, не продавишь же глубоко это место». Так это в шутку сказали. Присел он, но для любопытства заглянул вовнутрь ихнего жилья. «Да у вас здесь просторно, да как хорошо

⁵ *Со стягами* — с колыями, шестами, пешнями для долбления льда.

сделано, – похвалил хозяев жилья. – Прямо прелесть. А мы с братом под телегой ночуем. Обложили сеном от ветру да от комаров, так и ночуем». Посидели, побеседовали для знакомства полевые соседи. Отдохнул Иван и поднялся с места, попрощался с соседями, в гости к себе пригласил.

Шел по околкам, по полянкам, какие попадали по пути. И заурчало у него в животе. То ли есть захотел: время-то уже много, соседи-то пообедали. Пришел на свой стан и говорит Алешке, брату младшему своему: «Што-то живот заболел у меня, Олех. То ли исть хочу, или у подгорских увидел в балагане потник⁶. Да большущий, во весь балаган расстеленный. Новенький, видать. Аж зубы у меня сжались до скрипоты». – «Собаки у них там есть?» – спрашивает Алеха. – «Не видел ни одной. Не лежали и не бегали. Если были бы, дак залаяли бы на чужого человека». – «Тогда не горюй, не долго болеть твоему брюху. Только до полночи – там поправится. Подход посмотрел?» – «Подход хороший, хоть на коне подъезжай». – «Вот на коне и нужно подъезжать. Ночью, когда уснут, потник наш будет».

Сели, наелись. Пока ели, у Ивана не выходила мысль из головы: как же Олеха хочет потник взять из-под спящих мужиков? На нем их ведь шесть человек. Как ни гадал Иван, до самого вечера Алешка ему свой план не рассказал. Да он сам хорошо еще не был уверен в своем плане – как он у них получится.

После ужина отдохнули хорошо, хотя и не спали. Какой может быть сон, коли выгодное дело намечается, да снасть для лова нужно приготовить. Да оно и снасть-то немудреная: хомут с тяжами, да веревка покрепче, чтобы не оборвалась. Но это у крестьянина всегда наготове.

Ночи весной короткие, а рабочий день длинный у работающего крестьянина. За день так устанешь, что после ужина только до постели – и уснул крепким сном. Так и обитатели хиленького балагана, который сделан-то был на скорую руку. Нарезали тонкого тальнику – чуть толще пальца, повтыкали комлями в землю, а вершины сплели меж собой на нужной высоте. Получилось вроде коробка вверх дном. Обложили сеном или соломой с боков, чтобы ветром не продувало, а сверху потолще положили того же сена или соломы, чтобы дождем не промочило, – и живи на здоровье. Коням задали корма – хватит до утра, знай себе хрумкай. После хорошего ужина да тяжелой работы за день крепко устали. Комаров выкурили дымом из балагана, – никто не потревожит. Позлазили все в балаган, лаз заделали, чтобы комары не пробрались. Улеглись на мягкую сенную подстилку, наложенную под потник, – мягко, тепло, и запах хороший от сена. Да если еще пучки мяты или лабазнику со смородишником подоткнуть под верхом

⁶ Потник – кошма, войлочный коврик, подкладываемый на спину лошади под седло.

балагана... Так спится хорошо, ни на что и внимания обращать не хочется. Спят мужики непробудным сном.

Чего и нужно было братцам. Им-то ведь не до сна: животы-то так и не перестают болеть. Выждали они определенное время. «Пора, Ванька, – говорит Алешка, – пошли». Охомутали одного коня с постромками, приготовили веревку, которую Алешка взял на своего коня. А на Ивановом коне хомут с тяжами. Сели верхами и отправились, да ведь еще и перекрестились на восток. У бога благословения попросили, чтобы дал бог им счастья в совершении дела.

Подъехали на определенное расстояние. Слез Алеха с вершней, Ивану наказал: «Как кукукну, подъезжай потихонечку ко мне». Да еще перешепнулись, как что делать дальше. Пошел к балагану кошачьим шагом. Идет-то ведь не свое брать, а чужое, да еще не дай бог не спит кто-нибудь по какой причине. Подошел ближе, прислушался – спят, только храпоток стоит.

Опустился на колени. Подлез вплотную к углу балагана. Пошевелил солому с угла, послушал – никто не проснулся. Смелее стал разгребать солому, с перерывами, конечно. Надо же и слушать: не ровен час, проснутся, тревогу поднимут – несдобровать тогда. Улепетнуть-то, может, и удастся, но только впустую ночь пропадет. А жалко. Нужно осторожно действовать.

Докопался до основания балагана. Подрезал прутья, штуки четыре, чтобы свободнее был проход. Добравшись до потника, прорезал отверстие в углу у него, продел веревку в отверстие. Завязал веревку так, чтобы она не сорвалась, и не порвался угол у потника. Поднялся на ноги, опять послушал... Стал отходить тихонечко от балагана и распускать веревку, которая была смотана в моток для удобства. Произнес «ку-ку» тихонечко, чтобы только Ивану было слышно.

Иван уже начеку, даже и тяжи с вальком наизготове. Быстренько закрепили веревку на вальке. Потихонечку спятили коня ближе к балагану, чтобы хороший рывок получился. Прыгнул Алешка на спину коня своего, взял плеть у Ивана из рук, покрепче стеганул коня под Иваном и следом своего тронул, да еще добавил Иванову коню, который и так рванул с места галопом.

От сильного рывка выскочил потник наружу из-под спящих шестерых мужиков в отверстие, проделанное Алехой. Как только освободился потник от тяжести, конь поскакал во всю вытяжку галопом по направлению к Кольвани южинской⁷ дорогой – для отвода глаз, как говорится, чтобы след отвести от своего поля. Но они недалеко протопали по дороге – только чтобы слух обмануть, если погонятся за ними. Осадили

⁷ *Околок (колок)* – отдельная рощица в степи, округлый лесной остров.

коней. Алеха моложе и пошустрей, ноги-то обои здоровые, – быстренько соскочил, подтянул потник, забросил на своего коня. Веревку обрезал на вальке, валец закинул на спину Иванову коню.

С дороги свернули в околок⁸ по направлению к своим полям. Ехали околками, где пореже заросли, особенно березниками, чтобы не быть на виду. Уже стало светать, на чистом поле можно обнаружить себя.

А что же произошло с бывшими хозяевами потника? Потник из-под них выскочил не так себе свободно. Он их в кучу собрал: один на другого скучились. Проснулись все сразу. Только не поймут, в чем дело, какая нечистая сила их скучила. Самый дальний от отверстия получился на низу, и так по порядку один за другим. Только самый крайний, который был с дырой рядом, он один был проташен потником в отверстие головой вперед до половины туловища. До утра бедняги не могли опомниться: в чем дело, кто их так мог собрать в кучу, да еще Афоньку на улицу в дыру чуть не выдернули.

А ведь этот самый Афонька вечером, пока ужин варился, рассказывал, как черт ребенка утащил в поле из балагана у родителей, которые перед сном поссорились меж собой. Ребенок кричал от какой-то боли, и мать на него в гневе сказала: «Чтоб тебя черти унесли». Оно так и получилось. Вот мужики всю вину и возложили на афонькин рассказ: значит, обидел черта или нечистую силу.

А когда хорошо рассвело, они обнаружили, что черт потник из-под них утащил. Тогда только вспомнили, что слышали конский топот на южинской дороге, которая проложена на Колывань. Тут-то они и разобрались, какой «черт» мог их потревожить и уволок потник. Колыванские кое-кто зуб точил на ихний потник, но они его не оставляли в балагане, когда уезжали домой в баню или на праздники. Так и решили, что кто-то из колыванских уволок ихний потник.

Предположение хозяев потника опять же узнал Иван. Как говорится, вор всегда думает, что на нем шапка горит. Дак вот и отправился Иван к подгорским на выяснение, что же с ними было, когда из-под них потник выскочил. Взял двух тетерок, запутал их в плёнки: вроде бы они сами запутались в расставленные им снасти. Вроде мимоходом и заглянул к соседям побеседовать в досуге – время свободное. Кстати перекинуться кое-какими планами, да и узнать про полевые дела: скоро ли кончат паровспашку. Даже вроде и не знает, что у них был такой переполох. Спросил кое о чем, да своим «уловом» похвастался: вот, мол, попались голубки, есть теперь из чего ужин сварить.

Те свое горе стали рассказывать: как что получилось. Это вот я уже с его, Иванова рассказа и вам все вперед рассказал. На него они даже и в уме не вели, что ему и нужно

⁸ Южинской (дорогой) – ведущей из села Южино в Колывань.

было узнать. Вздохнул он так тяжело, жалеючи ихнему горю, и удалился восвояси. Рассказал братку, как всё у них произошло: на нас, мол, и ухом не ведут. У обоих у них как камень с плеч свалился. Ведь они целых три дня, как загнанные звери, озирались: вот сейчас нагрянут хозяева. То вроде им мерещится, что кто-то за ними следит из-за околка. Каждую птичку вспорхнувшую пугались. Сейчас крикнут: «Вот они, воры!» Какой вор не перетрусит сразу, но в дальнейшем успокаивается».

Конец Алёхиной жизни

«Но Алексей на этом не успокоился. Да ему и ни к чему успокаиваться: он был связан с воровской группой из других населенных пунктов и даже с новониколаевскими⁹ конокрадами да перекупщиками лошадей. Да и колыванские были с ним одной веревочкой повязаны. Такие деловые люди мало показывались днем в населенных пунктах. Только вечером, да уходили или уезжали до свету, чтобы меньше обратить на себя внимание.

Как-то однажды в зимнюю пору Алешка очутился в Колывани, зашел в магазин Кроткова-купца. Это где сейчас на втором этаже контора райпотребкооперации. В то время здесь жил купец Кротков со своей семьей и прислугами, а нижний этаж занимали магазины разных товаров. Крупный купец был.

Перед дверями магазина устроена коновязь. Раньше же все больше на конях ездили. Прежде чем в магазин зайти, нужно коня где-то привязать. Вот и делались около магазинов, да не только магазинов – около купеческих домов, учреждение если какое – обязательно коновязь есть. Это такое устройство: вкапываются два или три (если длинная нужна коновязь) столба высотой метра полтора, чтобы горячая, беспокойная лошадь от долгого стояния не вздумала перепрыгнуть через брус, который крепился лежа на эти столбы, и вбиваются металлические штыри с кольцами, за которые и привязываются кони.

Когда Алексей зашел в магазин, подъехала женщина на вороном жеребце, запряженном в кошеву. Вышла из кошевы, привязала воронка к коновязи и зашла в магазин сделать покупку.

Алексей помешкал немного, дал возможность заняться выбором товара, нужного хозяйке коня. Видит, что она увлеклась выбором товара. Он вышел, как и подобает человеку, которому в магазине уже нечего делать. Незаметно оглянулся по сторонам: прохожие внимание не обратили, идут своей дорогой. Алеха подошел к воронку, отвязал

⁹ *Новониколаевские* – живущие в Новониколаевске (ныне Новосибирск) – молодом городе, бурно развивавшемся к югу от старинной Колывани.

его, как своего. Сел в кошеву и тронул его с места на рысь по направлению на город. Поехал спокойно, как подобает хозяину, и нужном направлении.

Хозяйка со спокойной душой, как говорится, сделала покупку товара, который ей требовался, уложила в мешок, рассчиталась с продавцом. Распрощалась на радостях с улыбочкой, да еще и с прибауткой, которая к слову пришлась. На этом моменте открыла дверь магазина, закрыла за собой, как положено. Обернулась в сторону коновязи, а воронка-то нету на месте, куда привязывала. Так и обмерла, рот открылся, а глаза навекат: «Ой, а где же воронка-то, здесь привязывала?» Крутится на месте: и на кольцо посмотрит, и на дорогу. А у самой вид перепуганный.

Подошел мужчина: «Что стонешь, ай что случилось?» – «Коня угнали». – «Какой конь?» – «Вороной, в кошеве запряжен». – «Вот сейчас только встретился на таком коне мужик – поехал на город». Она быстро повернулась и бегом ходу дала совсем в другую сторону. «Куда ты, он туда поехал». – «Я домой», – только и ответила. Сама помчалась чуть потише коня.

Оказывается, Алеха опять наткнулся на подгорскую, да еще бабу. Бежать ей, наверное, километра три, не меньше. Сколько она времени бежала, но добежала до своего двора. Еще в воротах закричала: «Вася, воронка угнали!» Как ни утеплены окна к зиме, но хозяин услышал и взглянул в окно. У него так и ёкнуло сердечко. Беда пришла, но какая – не знает, и жена орёт что есть силы со слезами. Быстро выскочил раздевши на крыльцо: «Что орёшь?» Та отвечает: «Вася, воронка от магазина украли».

Ничего он больше жене не сказал, заскочил в избу, схватил шапку, шубу – и во двор. Быстро в сани-розвальни заложил кобылу вороную, мать того украденного жеребца. Выскочил со двора, берегом речки – на городскую дорогу, и помчался вдогон. Кобыла еще не старая, на бегу ходкая.

Не доезжая старицы¹⁰, повстречался с обозом в двенадцать подвод. Дорога наторенная, но неширокая, только в один проход. Спросил у извозчиков: «Не встречались ли вам кто на вороном коне в кошеве?» – «Как не встречался – в старице мы дали ему объехать. Остановились, чтобы ему не гнать коня много целиком: снег-то глубокий, а конь, видать, молодой». – «Это мой конь, вор украл его от магазина, пока жена товар покупала. Вышла – воронка нету». – «Давай тогда шпарь быстрее, ты еще его догонишь, он далеко не должен от тебя удрать: конь-то уже в мыле весь. (Это значит – сильно вспотел, даже пена набилась под хомутом да под шлейей.) Он обязательно на постоянный заедет – передышку дать коню».

Объехал Василий обоз (остановили коней специально, чтобы он быстрее их

¹⁰ Старица – одно из бывших, покинутых русел или проток реки Обь.

объехал). Пустил он воронуху полным ходом до Мочищев¹¹ – еще километров шесть. Дорога хотя и в один проход, но накатанная, только малость сдержал через торосы на Оби. Дорога-то по реке пошла до самого Мочища, только около самой деревни выезжаешь на берег. Подъем на берег крутой. Когда поднялся на гору, въехал в село – и постоянный двор недалеко.

На постоялом воронко голос подал: учуял запах матери. Кони – они ведь чуткие, и мать около ворот уже была, отозвалась. Василий подъехал к коновязи, быстро привязал кобылу. Во двор не стал въезжать, хотя сторож и открыл ворота: «Добро пожалуйте!» Василий к сторожу подошел и сказал: «Не выпускай вон на том коне, пока я тебе не подам сигнал. Найди причину, удержи до моего сигнала. Этот тип у моей жены от магазина угнал моего коня. После расскажу». Сам пошел в дом, где отдыхают заезжие. Дверь только открыл, ему повстречался в дверях мужчина. Он пропустил его и вошел, поздоровался с заезжими. Кто за столом обеденным сидел, кто за вторым в карты играл. Но он не стал раздеваться, а вышел на улицу и пошел к воротам. Сторожу еще из сеней махнул рукой: открывай, мол, я наготове. Сам вышел в калитку и ждет.

Вор еще не успел до его выхода развернуть коня на ход. Алешка, наверное, что-то почувствовал, когда увидел человека в воротах: так и вспыхнуло лицо румянцем. Выехал из ворот. Василий схватился за спинку кошевы, ногами встал на концы полозьев. Алеха ему велел: «Чо уцепился, слезь». – «Да я вот недалеко подъеду, до конца улицы». Он больше не стал протестовать. Когда стали выезжать с улицы в проулок, по которому зимняя дорога вела в город через бор, спросил: «Ты же говорил, что до проулка». – «Да нет, я живу на кордоне, там слезу». Снова Алеха успокоился, да еще пригласил в кошеву. Но Василий отказался: «Как доеду до тропинки своей – и спрыгну, чтобы коня не дергать при остановке».

Тут же прямо рядом, на задах огородов, начинается подъем в гору. При въезде в бор, как только конь стал заканчивать подъем, Василий правой рукой из кармана вынул приготовленную еще из своих сеней половинку калёного кирпича. Да еще угодил железняк – перекалённый при обжигании в печи. Те кирпичи, которым достается больше жару, они расплавляются так, что делаются крепкие, как железные.

Вот Василий этой половинкой и угостил похитителя по голове, аж шапка соскочила. Да еще раз повторил по обнаженной голове. Хотя волосы были большие, но все равно не спасли, не удержали тяжелого удара. Да он, Алеха, уже и с первого удара ноги вытянул в передок кошевки, а со второго-то удара и совсем замер.

Василий не стал его укладывать по-хорошему. Вывалил прямо в снег, ухватив за

¹¹ *Мочища (Мочище)* – деревня на правом берегу Оби, по старой дороге из Колывани в Новониколаевск.

ногу: вниз головой, а кверху задним сиденьем. Вроде в снегу мышей вынюхивает, наподобие пса-зверолова. Развернул коня в обратную сторону, то есть в домашнюю.

Доехал до постоялого, зашел, попил чаю, рассказал постояльцам, как что получилось, и где оставил ухорца. Сказал, что выбросил в снег. И с попутным обозом артельно вернулся домой на обоих конях. Алеху на второй день полицейские привезли в Колывань. Так как он ехал с колыванской стороны, и доставили его в колыванскую полицию для выяснения. Выяснилось, что он сидоровский. Переслали извещение, и братья его забрали для похоронения на своих кладбищах.

Вот так и закончил Алешка свою роскошную жизнь».

Тюремная история

После гражданской войны в Сидоровке стали организовывать сельское кооперативное хозяйство на основе паевых взносов. Завод, перерабатывающий молоко на сливочное масло. Сельпо, то есть торговый магазин. Председателем выбрали Журавлева Гаврилу. Счетовод – Борисов Матвей. Продавцом – Курин Иван.

Проработали они до двадцать четвертого года. Задумали два соседа поживиться за счет общества кое-какими товарами. Стали вести беседу с продавцом Иваном Николаевичем по части сделки. Но он им так ответил: «Я проработал у Фирстова пятнадцать лет и ни разу ничего не брал без его разрешения, ничего. На меня не рассчитывайте, я к этому не приучен и не хочу приучаться, грех на свою душу не хочу брать». – «О, дак с тобой кашу не сварить. Иди тогда, праведник, но подумай хорошенько о своей жизни». После этого разговору еще задавали ему вопрос: «Ну как, надумал или нет?» Но он им твердо отвечал, что этого не будет от меня, да и вам не советую нарушать закон.

Пришлось Ивану Николаевичу все-таки поплатиться за свой отказ годом лишения свободы. Не прошло и месяца после беседы с руководством своего сельпо, как выехала из Колывани с райпотребсоюза ревизия. И обнаружила она недостачу в денежной сумме около тысячи рублей. Дело было передано в суд. С работы Ивана убрали, уже подготовлена была замена. Передал он селькооперацию Гусеву Тихону.

Суд долго не заставил ждать. Только закончили передачу лавочки (в то время называли или «копирация», или лавочка), повестку получил – на суд явиться. И присудили ему три года тюремного заключения. Сразу с суда взяли под конвой с отправкой в новониколаевскую тюрьму. Но недолго пришлось радоваться двум друзьям своей ловкой сделкой и горькой участью Ивана.

Как отец рассказывал, при тюрьме было свое хозяйство подсобное. В то время

машин-то мало было совсем. Транспорт был конный, при тюрьме был конный двор. Коровы были для обеспечения обслуживающего персонала молоком и мясом. За скотом ухаживали заключенные, которые с маленькими сроками, да и предусматривалось поведение заключенных по их характеру.

Просидел он карантинный срок, вызвал его начальник тюрьмы к себе в кабинет. Когда пришел конвойный в камеру, объявил: «Курин, на выход с вещами». Вся камера проводила его с тем, что освободят. Он уже хорошо познакомился с однокашниками в камере, рассказал, за что его посадили. Многие уверяли, что недолго просидит – отпустят, найдут концы.

Но немного рановато друзья по камере обрекли ему свободу. Только через восемь месяцев пришлось ему встретиться со своей семьей. Начальник его вызвал по своим соображениям: им нужен стал мастер переработки молока да изготовления масла для начальства тюрьмы. При проверке документов заметили, что он маслодел, а им нужен стал такой человек. Они закупили сепаратор, который отделяет сливки от обраты, а никто не знает, как с ним обращаться. На отцово счастье и выпала такая работа.

Договорились, что он с удовольствием устроит сливкоотделение. Начальник и говорит ему: «С этой минуты ты – расконвоируемый, но пока в территории тюрьмы. А как потребуется, то и за территорию будет допуск. А сейчас пойдём, посмотрим сепаратор, да помещение подберем, какое нужно». Отец и говорит: «Для пропуска молока небольшое нужно помещение. А если масло делать, то побольше надо вдвое, да ледниковое помещение».

Так и сделался тюремным маслоделом Иван. Жизнь пошла своим чередом. Пока устраивали маслозавод, с территории пришлось один раз выехать с начальником в бондарную мастерскую, заказать больку, или, назвать ее, маслобойку. Да еще закупить посуду, центрифугу для определения жирности молока. Еще день прошел в путешествии по строящемуся Новониколаевску: «Первый раз я побывал в ресторане, где раньше купцы только угощались. На третий день, – говорит отец, – я установил сепаратор и попробовал пропустить ведер пять молока, просто испытать сепаратор. Дело пошло хорошо. Начальство в восторге от пробы вкусных сливок, да и рабочие тоже, как и я, тюремщики, с удовольствием пили досыта, сколь сможешь употребить».

Сделали все хорошо, как полагается для работы и для изготовления масла даже. Ивану Николаевичу поручили заведовать этим производством и готовить себе помощника из заключенных на всякий случай, чтобы не было перебоя работы на маслозаводе. Мало ли какие случаи бывают. Ивану еще дали поручение: развозить готовое масло и сливки, в общем, кто что закажет, по квартирам начальства тюрьмы. Но

их было немного, человека четыре всего. После окончания утренней работы он ехал на особо выделенном коне, запряженном в спецповозку, по указанным адресатам.

Однажды при такой поездке он угодил в то время, что сам хозяин заказа был дома и пригласил Ивана на чашку чая. Иван отказывался: «Я заключенный, а Вы начальник, как-то вроде и не к лицу, как говорится. Как бы из-за меня неприятность не получилась». Но хозяин на это не обратил внимания и на своем настоял. Коня завели во двор. Ворота закрыли для безопасности: город ведь, хотя в то время он был еще маленький, но уже город. Вошли в квартиру – стол уже накрытый. Хозяин так вежливо попросил раздеться, хотя и раздеваться-то нечего, плащ дорожный да фуражка – и всей одёжи.

Пригласил за стол сесть, и сам сел напротив, как и полагается хозяину перед гостем. Налил из бутылки по стопочке коньяка, и себя не обделил. Сам поднял стопку и Ивана заставил поднять. Как положено всё. Иван отказывался от выпивки: «Как-то вроде неудобно, я заключенный, а Вы начальник. Вы ведь не знаете, за что я осужден – может, я вор или разбойник». Хозяин хотя и вежливо, но настойчиво свое гнул: «Вот и хорошо, сейчас выпьем, ты и расскажешь, за что тебя посадили. Но я ведь вижу, что ты не похож на разбойника. Я, – говорит, – их повидал немало на своем веку».

Как ни отказывался гость, но пришлось выпить. «Ну, вот и молодец, а теперь закусывай давай». Когда закусили за первую, встречную: «Ну, вот теперь давай и начинай рассказывать свою вину: за что тебя посадили». – «Осудили меня за растрату. Я работал в кооперации продавцом. Ревизия обнаружила у меня недостачу большую, суд присудил три года». – «Ну-ка, давай еще помаленьку выпьем. А то, я смотрю, у тебя еще смелости не хватает подробнее рассказать. Меня, что ль, боишься? Хотя я и гроза, но не для всех. Я же прокурор при тюрьме. Веду перерасследование прибывших к нам людей. За правильное осуждение могу утвердить или добавить. Да если кто еще что-нибудь нарушит в тюремном законе. Но ты меня не бойся, расскажи все по порядку. Я смотрю на тебя и думаю, что ты что-то не договорил. Начинай с самого начала поступления в кооперацию: что у вас там за начальство, как они к тебе относились, и как ты к ним. Даже, может, я тебе и помогу разобраться в твоём деле. Может, и зря тебя осудили. Может, не ты виновный, а кто-то другой».

Выпили, конечно, по другой, закусили, и я стал рассказывать все подробно, как дело было. То есть как они меня сговаривали, и как я не согласился. Всё рассказал «от и до», если уж он обещал мне помочь.

Когда я всё закончил, он разлил из бутылки остатки и говорит: «Вот видишь, как этот рассказ твой помог мне выяснить, что ты осужден зря, за чужую вину. Похитили деньги казенные они, по сговору, и тебя хотели втянуть. Но ты правильно поступил, что

не согласился на их авантюру. Я теперь могу тебе помочь. Дам тебе отпуск домой. Когда ты приедешь домой, иди прямо в контору кооперации и потребуй книгу регистрации сдачи выручки. Она, похоже, не попала в руки ревизии. Она еще новая, только начатая, вот они ее и припрятали от ревизии. Я своим чередом срочную бумагу пошлю в колыванскую прокуратуру, чтобы они вслед за тобой нагрянули с проверкой на вашу контору и накрыли с поличным ваших мудрецов. Смотри только, до самой проверки книги никому не говори, зачем появился в своей Сидоровке. А то все дело испортишь, себя и меня подведешь под ложное указание».

Так и сделали, как договорились. На третий день после нашего разговора он дал мне отпуск на целую неделю. Оставить за себя мне уже было кого, так как за целый месяц с начала постройки маслозавода я подготовил двоих человек.

Когда я прибыл домой, то есть в Сидоровку, было уже поздно вечером. В контору кооперации было уже идти бессмысленно, так как там уже никого не было. Рабочий день уже кончился. Пришлось ждать утра в семейном кругу, да соседи собрались. Каждому было охота повидаться после годичной разлуки, полюбопытствовать о тюремной жизни, да по какому случаю до срока прибыл домой. С разговорами да с чаепитием и просидели до первых петухов. Как ни пытались у Ивана выяснить, зачем приехал и что за заслуги, что отпустили досрочно, всю истину он не рассказал. Таким делом рисковать не положено для своей же пользы. А просто сказал: «Дали неделю за хорошую работу при тюремном маслозаводе. Житуха, можно сказать, не хуже, чем на воле. Может, даже и лучше».

Разошлись соседи, лег и Иван к Наталье под бок. Да и спать-то пришлось часа три. Хотя и не хотели его тревожить, но выработанный инстинкт рано вставать никуда не денешь: сам проснулся и встал с постели. Хотя и рановато еще, но уже не спится, привычка свое берет. Умылся, оделся, вышел во двор. Проверил, все ли в порядке с хозяйством.

После завтрака Иван своим сказал, что идет в контору по делам, и ушел. Когда он появился в конторе, то Борисов и Журавлев были уже на месте, и третий был сторож Горбунов Герасим. Они вроде обрадовались, но с лица, как говорится, сменились. Загорелись румянцем: «Проходи, садись, гостем будешь. Пожалуйста, вот и стул свободный». Поздоровались по ручке. «Расскажи про свою жизнь, и зачем пожаловал. С хорошими вестями? Или просто попроведовать старых друзей?»

«Попроведовать, конечно, не друзей, а как вы без меня работаете, с новым продавцом. – Намек им сделал, что он им не друг, и, может, они нового продавца уже сбивают на авантюру. – Да проверить дела, за которые вы меня посадили». – «Да ты што,

Иван Николаич, разве мы тебя посадили, ревизия же была. Мы тут ни при чем, ты нас зря винишь, сам знаешь». – «Дайте-ка мне книгу под таким-то номером, вот за эти-то месяца 1924 года. Сейчас срочная ревизия должна прибыть. Мне велено предупредить вас, чтобы вы никуда не отлучались. Ну а ты, Герасим, будешь свидетелем».

Вот когда Борисов и руки опустил, и рот открыл – слова не может сказать. Да кое-как выговорил: «Нашел все-таки, пропали мы, Гаврюха». Так они просидели до самого обеда, почти недвижимые. Только курили одну за другой папиросы, по целой пачке опростали.

А ревизоров все не было. Журавлев и сказал, или предложил, что нужно пообедать. Но Иван затребовал снова книгу, которая ему нужна. Достал ее Борисов и передал Ивану. Когда он открыл ее в указанном прокурором месте, то обнаружил квитанции расчетные, по которым он рассчитывал сдатчиков молока по приказанию счетовода и председателя сельскоторгового кооператива.

Как они упрашивали, чтобы он оставил эту злосчастную книгу на месте! Но Иван сказал: «Я вам больше не доверяю. Да и мне было приказано эту книгу забрать у вас. Вот у меня есть виза областного прокурора». Показал он им документы на право изъятия временно этой книги для передачи в руки районной прокуратуре для перерасследования (всё это охлопотал прокурор тюрьмы). Взял он для охраны Герасима, да еще нового продавца для сопровождения до самого дому (жил он далеко от конторы). Проводили они его до самого крыльца.

Ревизия не приехала в этот день, только на второй день. А Журавлев с Борисовым ночью скрылись из Сидоровки в неизвестном направлении. После их все равно нашли, и они отбыли свое наказание. Только у них получилось вдвойне, то есть обоим по три года, это уже шесть лет. А отцу давали тоже три года.

Иван-то – это был мой отец. Вот он и рассказывал нам с племянником вечерами до ужина, чтобы нам легче было терпеть охоту к еде, пока готовят. Он все-таки ездил после разбирательства в тюрьму, только как свободный гражданин, чтобы сняться с учета в тюрьме, – на своем коне, как и не тюремщик. Да еще и зарплату получил как вольнонаемный, за то время, которое он работал. А за остальное ему советовали писать заявление в райсуд, чтобы сельпокоп уплатил за нанесенное оскорбление и за то время, которое провел в тюрьме без дела не по своей вине. Но отец говорил, что не стал заводить волокиту. Виновников основных нету, а сельпо на общих паевых сборах основано, и не стал никуда жаловаться: «Спасибо большое тому человеку, который помог разобраться в деле, и за то спасибо, что опять со своей семьей на месте. За все спасибо».

Но в кооперацию уже не пошел продавцом, а пошел на маслозавод, который построили, когда он работал продавцом. А хорошего мастера там не было: был временный, да уехал на родину, оставил после себя ученика, а он был Ивану родной брат Василий. Он с радостью уступил место старшему.

Вот так и закончилась тюремная история с отцом. Началась новая, маслодельная. Но это я как-нибудь в дальнейшем свяжу с историей Сидоровки.